

у нас еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно и в страшных муках готовится родить ее»,⁶ и боится этой идеи. Высмеиваемый Достоевским «прожектор-сумбурист» уверяет, что предлагаемое им увеселительное судно поможет Европе поверить «невинным» целям России, тому, что Россия «ищет лишь одной веселости», что она «существует для Европы» «и для увеселения ее». Из многочисленных набросков записной тетради, относящихся к «Проекту», вырисовывается этот опереточный корабль. Публика на нем — «посланники», «молодые члены посольств, умеющие танцевать», «кокетливые дамы», «кокотливые дамы (но с достоинствами, напри~~м~~ер), любящие искусство или политику)», «леди». Одна из них — «ледя», воротившаяся с судна, «приставая к мужу», невольно может, по мнению автора, «способствовать игре Восточного вопроса в нашу пользу»; на корабле можно будет «катать Гамбетту как союзника», «катать иезуитов и высших католиков», катать «певиц», «Патти», «астрономов, академиков, отдыхающих от трудов своих» и т. д. и т. д. Приключения на море — «нападение корсаров, холостыми зарядами, борт, визг, крик, и вдруг турки оказываются молодыми кавалерами с цветами, новостями, сплетнями». Наконец — «соловьиные языки, сигары в 130 р. сотня от Фейко», «морской воздух, пищеварение», «обнаженные груди, слезы раскаяния» и т. д. и т. д.

Наброски к этому «Проекту» составляют большую часть записей тетради (если не считать тех, что относятся к январскому выпуску «Дневника»). Последняя запись к «Проекту» («Да как же это: корабли по железной дороге? Да ведь это смешно.

— Что смешно? Тот же пар. По морю яко посуху.»),⁷ на первый взгляд не совсем понятная, становится ясной из текста, записанного А. Г. Достоевской: в окончательном «проекте» «возить этот корабль» будут «9 паровозов» по устроенной по берегам железной дороге.

Т. И. ОРНАТСКАЯ

ДОСТОЕВСКИЙ И РАССКАЗЫ А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ (ЖАКЛАР)

1. Отклик Достоевского на рассказ А. В. Корвин-Круковской «Сон»

В набросках «Записки журналиста»¹ содержится следующий отклик Достоевского на, очевидно, только что прочитанное сочинение: «Да чего ж он не сунулся-то к ней (к Лилиньке). Ведь он бы жил. Да что в том, что он бы жил: она бы жила на его

⁶ Там же, с. 76.

⁷ Там же, с. 86.

¹ Они предназначались, по-видимому, для задумывавшейся в это время «Записной книги» (пробраз будущего «Дневника писателя»).

руках, и он бы чувствовал, что она бы жила (хотя бы счастья только себе). Расходятся из эгоизма направления, в безмолвном и гордом страданье. Бессмысленные романтики — да им всех хочется, так и прите за всех на крест, и то счастье.

Что останется после их счастья? Есть, жиреть и в карты играть. <...> Но может ли эта ничтожность их намерений быть счастливыми мешать? Их счастьем помешает. Но намерение... нет, не должно. Немецкий это расчет, а не гуманный. Да даже и расчет на их стороне. Ведь работает же Лилинька, работает же и он, — ну, работайте вместе» (20, 195).

Произвольно прочитанное имя героини, сочинения — «Лизанька» позволило комментаторам первой публикации записи предположить, что речь идет о романе Н. С. Лескова «Некуда», «<...> герои которого Лиза Бахарева и Райнер, любящие друг друга, гибнут из-за приверженности к новым идеям, так и не соединив свои судьбы».² Это предположение позволило, в свою очередь, критику Л. Аннинскому сделать уже далеко идущие выводы. «Если так, — пишет он, — то в русской прозе 1864 года нет другой Лизаньки, разошедшейся с любимым человеком „из эгоизма направления“, кроме Лизы Бахарева, расстающейся с Вильгельмом-Робертом Райнером. Выходит, можно было читать лесковский роман и так — со всей силой доверчивого сопереживания. Но — только для „потаенной“ тетради».³ Но оказывается, в «русской прозе 1864 года» есть именно «Лилинька», и является она героиней отредактированного Достоевским и напечатанного им же в № 8 «Эпохи» за 1864 г. рассказа А. В. Корвин-Круковской «Сон». В письме (подлинник его не сохранился), содержание которого с буквальной точностью передает сестра молодого автора С. В. Ковалевская, Достоевский писал А. В. Корвин-Круковской, вскоре ставшей его невестой: «Милостивая государыня Анна Васильевна! <...> я начал читать (рассказ — Т. О.) не без тайного страха <...>. Но, по мере того, как я читал, страх мой рассеялся, и я все более и более поддавался под обаяние той юношеской непосредственности, той искренности и теплоты чувства, которыми проникнут ваш рассказ <...> рассказ ваш будет мною (и с большим удовольствием) напечатан в будущем же № моего журнала...».⁴ Письмо это было написано в конце августа — начале сентября 1864 г., к этому же времени относится и комментируемая запись (№ 8 «Эпохи» вышел в свет лишь 27 октября 1864 г.). Сюжет рассказа таков: Лилинька, дочь бедного учителя-немца,⁵ зарабатывает на жизнь шитьем белья на дому. Став однажды нечаянной свидетельницей похорон незнакомого бедного студента и узнав, что он умер одиноким и беспомощным, она задумывается о необходимости помогать друг другу. Однажды ей

² Лит. наследство, 1971, т. 83, с. 276.

³ Аннинский Л. Лесковское ожерелье. М., 1982, с. 23.

⁴ Ковалевская С. В. Воспоминания; Повести. М., 1974, с. 65.

⁵ Ср. в записи Достоевского: «Немецкий это расчет...».

приснился сон, будто этот студент пришел к ней с упреком, почему она не пошла за ним в его жизнь, в близкую ему среду, где они обрели бы не только сегодняшнее счастье, но и надежды на еще лучшее будущее. Вскоре Лилинька умирает, так и не найдя выхода из своего убогого мира и не сумев исполнить своей мечты помогать тем, кто нуждается в помощи.⁶

2. Герой повести А. В. Корвин-Круковской «Михаил» и Алеша Карамазов

По свидетельству С. В. Ковалевской, ее сестра, ободренная «первым успехом», «тотчас же принялась за другой рассказ, который окончила в несколько недель».⁷ Речь идет о повести «Михаил», которую Достоевский открыл следующий, 9-й номер «Эпохи» за 1864 г. Герой ее, осиротевший в юности богатый светский молодой человек с душой поэта тяготится жизнью в семье и уходит к своему дяде — монаху в монастырь, чтобы служить ближним. Он носит одежду послушника,⁸ но не постригается в монахи, потому что жизнь в монастыре оказалась не такой уж идеальной, как это представлялось ему раньше. Так он и умирает, с «надорванным» и «опустелым» сердцем. Достоевский, чрезвычайно высоко оценив повесть, писал автору 14 декабря 1864 г.: «Идеал Ваш проглянул недурно, *хоть и отрицательно*. Михаил, который не может *по натуре* (т. е. бессознательно) помириться с чем-нибудь, *что ниже идеала* — идея глубокая и сильная» (П., II, с. 382). Эта «глубокая и сильная» идея могла запомниться писателю — и тогда, может быть, неслучайно Алеша Карамазов показался той же С. В. Ковалевской похожим на «Михаила»? «Эту вторую повесть, — пишет она в своих воспоминаниях, — Достоевский одобрил гораздо более первой и нашел ее зреее. Образ Михаила представляет некоторое сходство с образом Алеши в „Братьях Карамазовых“. Когда, несколько лет спустя, я читала этот роман по мере того, как он выходил в свет, это сходство бросилось мне в глаза, и я заметила это Достоевскому, которого видела тогда очень часто.

— А ведь это, пожалуй, и правда! — сказал Федор Михайлович, ударив себя рукой по лбу, — но, верьте слову, я и забыл о Михаиле, когда придумывал своего Алешу. Разве, впрочем, бессознательно он мне пригрезился, — прибавил он, подумав».⁹ Наблюдение о сходстве персонажей Корвин-Круковской и Достоевского было высказано недавно современной исследовательницей,

⁶ Несколько иначе (не была ли это первая редакция рассказа?) передает содержание «Сна» С. В. Ковалевская (*Ковалевская С. В. Воспоминания*, с. 67—68). Именно в этом варианте излагает его содержание и Л. П. Гроссман (см.: *Гроссман Л. П. Ф. М. Достоевский*. М., 1963, с. 322; ср.: *Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха»*. М., 1975, с. 133).

⁷ *Ковалевская С. В. Воспоминания*, с. 68.

⁸ Первоначальное название повести — «Послушник» — было запрещено духовной цензурой (см.: П., II, 381).

⁹ *Ковалевская С. В. Воспоминания*, с. 68.

которая, проанализировав повесть «Михаил», писала: «Не вспоминался ли Достоевскому этот высоко оцененный им художественный образ чистого юноши, оставившего семью и в одежде послушника в монастырских стенах ищущего ответа на свои поиски правды и цели жизни, когда он создавал Алешу Карамазова, отмеченного поэтическим обаянием?»¹⁰

И. А. БИТЮГОВА

ДОСТОЕВСКИЙ — РЕДАКТОР СТИХОТВОРЕНИЙ В «ГРАЖДАНИНЕ»

В пору редакторства в «Гражданине» (с 1 января 1873 г. по 22 апреля 1874 г.),¹ как свидетельствуют переписка Достоевского с авторами и ряд сохранившихся рукописных текстов их стихотворений с его поправками, работа над поступающими в журнал материалами для рубрики поэзии в основном выполнялась Достоевским. В исключительном, наиболее ответственном случае, редактора записанного под диктовку умирающего Ф. И. Тютчева его женою стихотворения «Наполеон III» («Гражданин», 1873, 8 января, № 2) была поручена А. Н. Майкову.

Большинство авторов стихотворений, печатавшихся в «Гражданине», были знакомы Достоевскому, и он, как известно, общался с ними лично или вел с ними переписку. Так, с Вс. С. Соловьевым (сыном историка), своим восторженным поклонником, писатель познакомился 1 января 1873 г. Недавно закончивший юридический факультет Московского университета, юный тогда поэт, отдельные лирические стихотворения которого ранее печатались в «Пчеле», «Московских ведомостях», «Русском вестнике», «Заре» и «Вестнике Европы», а впоследствии популярный исторический романист, Вс. Соловьев явился для Достоевского олицетворением той части молодежи, которая, по его представлениям, была наиболее близка ему в своих философских и нравственных исканиях. В 1873—1874 гг. они виделись очень часто. По воспоминаниям Вс. Соловьева, он спешил к Достоевскому «каждую свободную минуту», а если не бывал у него «в продолжении недели», то тот уже «пенял» своему молодому другу.² Иногда при этих встречах Вс. Соловьев читал свои стихи и под свежим впечатлением разговора о них с Достоевским вновь переписывал их.

¹⁰ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», с. 134.

¹ В № 16 «Гражданина» от 22 апреля 1874 г. было объявлено, что «с настоящего номера Ф. М. Достоевский по расстроенному здоровью принужден (...) сложить с себя обязанности редактора журнала», но некоторые публикации этого номера, в частности стихотворения, явились завершением начавшего печататься при Достоевском. Далее до конца 1874 г. стихи в «Гражданине» были помещены лишь дважды (в № 41 и 51).

² Соловьев Вс. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. СПб., 1881, с. 11.